

И. Дискин. «Россия, которая возможна».
М. : «Юрист», 2011. 175 с.

Как жаль, что книги, которые были бы исключительно важны для лиц, принимающих стратегические решения или участвующих в дискуссиях о будущем России, издаются мизерными тиражами и обычно не доходят до тех, кому предназначены! Боюсь, что такая же судьба, весьма вероятно, ждет и книжку Иосифа Дискина, если бы не конкурс «Общественная мысль», проводимый Институтом общественного проектирования. Таким образом, я предваряю рецензию выводом о том, что данная работа, безусловно, достойна того, чтобы пробиться к читателю.

И. Дискин — реалист. И тем самым он ставит себя между Сциллой утопического мышления — безоговорочной уверенности, что должное обязательно превратится в сущее, будь на то достаточная политическая воля («болезнь», которой наша страна страдает, по крайней мере, со времен Петра Великого), и Харибдой ностальгического традиционализма, исходящего из изначальной детерминированности всего происходящего нашей «особостью» и непохожестью на других (как тут не вспомнить милюковскую «Азиопу!»). Автор пытается подойти к проблеме модернизации России без предвзятости, но и без излишнего оптимизма. В самом деле, можно ли создать нечто новое и прекрасное, не оценив «окно возможностей»? Именно в этом смысл матрицы, предложенной автором. Дискин начинает свою работу с рассмотрения основных представлений и мифов об институтах и доминирующих моделях социального действия в современной России. В частности, он подробно останавливается на таких теориях, как «неизменная пассивность населения, создающая всевластие Власти» — «Русская система» (Ю.С. Пивоваров);

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

«нерыночная природа российских институтов навсегда» — «теория раздатка» (О.Э. Бессонова); «рыночное развитие подмято бюрократической надстройкой» — «Неоэтакратизм» и т.д. Рассмотрев с дюжину подобных конструкторов, он делает вывод о том, что ни один из них не может монопольно претендовать на роль фундамента для новой объяснительной схемы (как бы это ни было обидно для их весьма достойных авторов). Необходимо провести «мозаичную сборку» или, иначе, «синтез окон».

Вполне логичен и следующий вопрос, которым задается Дискин: какие из представлений россиян являются более реалистичными, т.е. могут вносить наибольший вклад при конструировании «мозаичной» конструкции? И снова ему приходится препарировать сложившиеся стереотипы об исконном коллективизме наших сограждан, идеологической зашоренности и т.д. С выводом автора о том, что спецификой России является то, что «процессы рационализации и индивидуализации, происходившие в постсоветский период, не сопровождались адекватными изменениями в механизмах социального контроля и социальной интеграции» (с. 70), вполне можно согласиться. Интересна его идея о «двухсекторальной этике», предполагающей «сильные» взаимодействия на уровне межличностных отношений и «слабые» на безличностном уровне. Отдавая себе отчет в сложностях, которые связаны с такого рода расколотой этикой, Дискин внимательно анализирует генезис и эволюцию институтов, подчеркивая, что среди большинства наших соотечественников сложилась своего рода конвенция в отношении правил игры неформального характера в институциональной среде, далекой от правовых норм и крайне сомнительной с этической точки зрения.

И тогда автор подводит читателя к неизбежному русскому вопросу: что же делать? Ломать сложившуюся практику и образ жизни в соответствии с западными или какими-либо иными стандартами и идеальными типами? И. Дискин выдвигает несколько альтернатив: 1) позитивная эволюция институциональной конвенции, направленная на уменьшение «зазора» между нормами и требованиями закона; 2) негативная эволюция, направленная на упрочение норм конвенции («друзьям — все, врагам — закон»); 3) разрушение институциональной конвенции «сверху» или со стороны улицы с непредсказуемыми последствиями. Понятно, что вероят-

ность реализации этих конвенций весьма различается. Однако, по существу, позитивная эволюция не терпит альтернативности, если мы не хотим разрушения страны.

Автор не столько предлагает повестку дня или дорожную карту, сколько очерчивает общие контуры необходимых действий, открывая поле для дискуссии. Однако дискуссии о реальном, а не о воображаемом. И в этом, на мой взгляд, главное достоинство книги.

**Т.А. Алексеева, д.ф.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
зав. кафедрой политической теории
МГИМО (У) МИД России**